

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ВЫСТРЕЛ
В СПИНУ

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Выстрел в спину

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Выстрел в спину / Н. И. Леонов — «Эксмо», — (Гуров)

Два человека убиты выстрелом в упор, убиты из одного и того же оружия. Подозреваемых много, но убийца один, и он изощренно направляет следствие по ложному следу. Но инспектору Льву Гурову удастся разобраться в хитростях ложных и настоящих улик...

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов

Выстрел в спину

*Выражаю свою искреннюю признательность всем сотрудникам
МВД, которые помогли мне в работе над этой повестью
От автора*

Вместо пролога

«При первичном осмотре на входной двери никаких повреждений не обнаружено.

Прихожая размером два на три метра, дверь в комнату из прихожей – налево, в кухню – прямо и направо.

При входе на правой стене вешалка, на которой висит мужской плащ 50–52 размера, принадлежит хозяину квартиры. На полу прихожей следов, годных для идентификации, не обнаружено. Дверь в комнату замка не имеет, открыта. Комната размером четыре на пять метров, с одним окном напротив двери, выходящим на юго-запад.

Труп лежит почти в центре комнаты, головой к двери, на спине (фотографии прилагаются)».

Из протокола осмотра места происшествия

«Температура тела и температура окружающей среды, а также наличие, величина и расположение трупных пятен и время восстановления их после надавливания свидетельствуют о том, что смерть наступила примерно восемь-девять часов назад».

Из заключения медэксперта

«Форма и величина входного пулевого отверстия под левой лопаткой, наличие и ширина пояска обтирания, наличие и ширина пояска окопчения, а также распределение вокруг пулевого отверстия остатков продуктов сгорания пороха и несгоревших порошинок свидетельствуют о том, что выстрел произведен с расстояния менее метра».

Из заключения эксперта научно-технического отдела

Эти документы появились на столе инспектора МУРа капитана милиции Льва Гурова второго сентября, а первого сентября Лева шел по Страстному бульвару в сторону Петровки и напевал: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе». Сегодня Лева исполнилось тридцать, и он был склонен смотреть на мир снисходительно. Вместе с Левой по бульвару шагали школьники. Маленькие мальчики с оттягивающими плечи ранцами, словно крошечные солдатики, стыдливо сторонились своих гордых бабушек и мам. Девочки в белых передничках, прижимая к груди букеты, напоминали балерин, выходящих на поклон. Старшеклассники, люди уже умудренные и в меру разочарованные, шли неторопливо.

В Москву Лева переехал больше года назад. Сначала высоким начальством был решен вопрос о переводе в столицу отца Левы – генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Гурова. Вдруг неожиданно перевели в Москву и начальника Левы – полковника Турилина, который добился перевода и для Левы. Отец же все сдавал дела.

Родители и воспитавшая Лева домашняя работница, хозяйственный руководитель семьи Клава, должны были приехать в октябре.

Первые полгода Лева жил в общежитии, затем Гурову-старшему дали большую квартиру в новом доме. Лева с двумя чемоданами переехал в пустые гулкие комнаты, купил раскладушку, долго таскал ее по квартире и наконец установил на кухне. Еще через несколько месяцев от родителей прибыло два контейнера с вещами. Сейчас ящики загромождали квартиру, создавая лабиринты. Лева закрыл дверь в комнаты, оставив себе переднюю, ванную, туалет и кухню. Этим он хотел подчеркнуть, что ко всей остальной территории не имеет отношения и тем более не несет за нее никакой ответственности.

Москва и Управление уголовного розыска встретили Леву прохладно. В группе вместе слевой было четыре человека.

Старший инспектор подполковник Петр Николаевич Орлов работал в уголовном розыске уже четверть века, то есть почти столько, сколько Лева жил на свете. Был он человек решительный и властный, держался неприветливо, указал Лева стол и сейф, приказал ознакомиться с делами и приступить к работе, так как «пахать» за Лева никто не собирается. И пусть у Левы начальник отдела друг, а отец хоть маршал, но если Лева тянуть не будет, то он, Орлов, Лева не завидует.

Кабинет был на двоих, стол напротив Левы занимал Сеня Новиков, который год назад закончил университет, смотрел на жизнь сквозь очки восторженно и принял Лева с распростертыми объятиями.

Четвертый в группе – тридцатипятилетний майор Виктор Иванович Кирпичников – дело знал, служил исправно, почти все время проводил за столом и усердно писал. Лева было непонятно, как можно справляться с оперативной работой, не выходя из кабинета. Однако дела Кирпичникова всегда находились в порядке, и, как позже выяснилось, майор в отделе считался работником неплохим.

Группа курировала район Москвы, который по численности населения немногим уступал родному городу Левы.

Лева раздобыл карты Москвы и района, пришил их на стенку и стал изучать. Район начинался возле Кремля и кончался у окружной дороги. Москва, словно круглый пирог, была разрезана на дольки. Одна такая долька – клин чуть ли не с полумиллионным населением – требовала от группы заботы и внимания. В районе были свое управление внутренних дел и отделения милиции, но особо опасные преступления... в общем, понятно?

Как-то Орлов застал Лева за изучением карты района и сухо сказал:

– Через Москву ежедневно проезжает более миллиона человек. Из них чуть ли не треть проходит через наши владения. И если из этих трехсот тысяч оказывается хотя бы один подонек, то сам понимаешь...

Разговор этот состоялся больше года назад, а сегодня, первого сентября, Лева шагал по Страстному бульвару, весело насвистывал и не подозревал, что завтра он начнет розыск убийцы.

Глава 1

Кафе занимало первый этаж высотного дома, расположенного на проспекте Калинина. Окна во всю стену чуть прикрыты полупрозрачными занавесками. Столы и стулья легкие и шаткие, на алюминиевых ножках; самообслуживание: салаты, сосиски, яичница, довольно скверный кофе – самый крепкий напиток.

Вечером первого сентября Евгений Шутин и Павел Ветров сидели за угловым столиком, пили кофе.

Когда Жене Шутину исполнилось десять, он виртуозно исполнял Большую сонату Чайковского. В призвании мальчика и ожидавшем его блестящем будущем никто не сомневался. Сам Женя об этом не думал, ему нравилось играть на рояле, и он играл. Родители Жени были учителями, отец преподавал историю, мама – литературу. Они любили Женю, но воспитывали строго. Мальчик мыл руки перед едой, в меру озорничал, учился прилично, с вещами обращался аккуратно, со взрослыми вежливо. Он много читал, увлекался спортом, как все подростки, влюблялся и разочаровывался. Когда Женя закончил музыкальную школу, уже никто, даже мама, не говорил о гастролях по Европе. Поступить в консерваторию тоже не удалось, и юноша поступил в иняз – способности у Жени к языкам были незаурядные.

На третьем курсе Женя полюбил. Она вытеснила все – бесчисленные вечеринки, модный каток на Петровке ушли на второй план.

Пашка Ветров был другом Жени Шутина. Они часами простаивали у консерватории или во дворе ее дома, где, чтобы не замерзнуть, раскатали ледяную дорожку. Любовь, казалось, была настоящая, дружба Жени с Павлом крепкая.

Пашка с седьмого класса увлекался горными лыжами, вместо уроков (если не играл в пристенок или в чеканку) пропадал на Воробьевке. Весной, перед решающей схваткой за аттестат, Павел выполнил первый разряд, вошел в юношескую сборную страны по горным лыжам. К его успехам в спорте окружающие относились с недоверием: врет, наверное. Действительно, соврать Пашка умел, делал это с умыслом и просто так, но всегда с вдохновением. К двадцати годам Пашка прочитал Лондона, О'Генри и Ильфа с Петровым, научился помалкивать в интеллигентном обществе, куда иногда попадал с Женькой Шутиным, не слишком громко орудовать ножом и вилкой и внимательно слушать.

Он любил и понимал горы, умел быстро спускаться, дважды ломался крепко и трижды по пустякам, лез наверх снова. Но эта часть его жизни была для окружающих далекой и непонятной. Павел всегда был шпаной, спорт тоже хулиганский выбрал. Никто не обращал внимания, что Пашка в своем лыжном деле первый, что он ни разу в жизни не отступил. Двоечник, драчун, теперь с гор кувывается! Чему здесь удивляться?

Осенью он сломал ногу. Сезон пропал, Пашка не унывал, работал тренером в «Спартаке», таскал Женькины записочки, раскатывал под окнами Леночки Веселовой – так звали будущую Женькину жену – ледяную дорожку.

Папа Шутин построил сыну кооперативную квартиру. Пашка помог втащить в нее холодильник и другую мебель, но на свадьбу к другу не пошел: Леночка любила Шутина-младшего и делить его ни с кем не собиралась.

Друзья расстались и вновь встретились лишь через семь лет. Павел стал мастером спорта, отслужил армию, работал тренером и учился на заочном отделении факультета журналистики МГУ. Почему журналистики? Как объяснял сам Пашка, он журналистику вычислил путем исключения других специальностей.

Диплом нужен, иначе пропадешь. Какой диплом? Точные науки отпадают сразу, так как математика и физика болтовни не любят, здесь никого не обманешь, знать надо. Педагогическая деятельность не годится, потому что такие, как я, есть в каждом поколении, а на роль

Иисуса не претендую... Иностраный язык, конечно, вещь, но ведь его целыми днями учить. Можно в инфизкульт, но к тому времени на склонах так накувыркаюсь, что меня туда калачом не заманишь. Вот и получилось, быть мне журналистом, спорт меня и по стране повозил, и за рубежом помотал. Кое-что я в жизни видел, людей встречал разных, писать же научусь, не боги горшки обжигают.

Так Павел Ветров говорил, но на самом деле все было иначе. Пашке еще не стукнуло и восемнадцати, когда однажды в доме у Шутиных он познакомился с известным писателем. Весь вечер Пашка тихонько просидел в уголке, внимательно слушал и запоминал.

– Научиться писать практически может каждый, – говорил тогда писатель. – Вопрос в том, есть ли тебе что рассказать людям. Знаешь ли ты что-то такое, чего многие не знают? Интересен ли ты людям, хотят ли они тебя слушать?

Пашка смотрел вокруг пытливо, приглядывался к людям, изучал их, даже пытался анализировать. И в университет он пошел, прекрасно отдавая себе отчет, что диплом дипломом, а образование, с которым у него, мягко выражаясь, плоховато, необходимо.

Павел учился писать по спортивной системе. Накатать километры, запоминать причины падений, не стонать от ушибов, относиться к переломам философски: ты же сам лез, тебя в гору не гнали? Сидел бы на диване, не ушибся бы. Редактор газеты, посмотрев на него сочувственно, вернул статью и сказал, что не надо, Ветров, не надо, мы ведь тебя и так уважаем. Павел согласно кивнул и пришел через неделю. Он переписал ту статью двенадцать раз, ошалевший редактор переписал ее в тринадцатый и опубликовал. Так имя Павла Ветрова впервые появилось в печати.

Женька Шутин прожил с Леночкой три года. Они расстались спокойно, интеллигентно, разделив имущество поровну: Леночке – квартиру с обстановкой, Жене – чемодан с барахлом и книжки, он ведь всегда любил читать. Молодые то ли не помнили, то ли помнили сначала, да потом забыли, что и квартира, и прочая мелочь, как холодильник, телевизор, половичок у двери, были куплены на деньги Шутина-старшего.

Иняз Женя закончил благополучно, на госэкзамене получил твердую четверку, а потом – свободное распределение. Преподавать Женя не хотел, а таскаться с группой иностранцев по Москве, ежедневно рассказывать о Кремле и Третьяковке – занятие не из интересных. Евгений был парень образованный, общительный, он решил стать журналистом. Он писал легко, фразы у него были чистые и упругие, слова не выкинешь. Проработав два года вне штата, Шутин сделался сотрудником, а затем и редактором отдела центрального журнала.

Евгений и Павел вновь встретились, когда им было по двадцать семь. Шутин уже прочно стоял на ногах, Ветров еще цеплялся за сборную, но уже отлично видел свой финиш. Три заметки с его фамилией читали только друзья. Со свойственной ему бесцеремонностью Павел пришел без звонка, словно и не было семи лет и расстались они вчера, положил на стол свое очередное творение. Шутин прочитал, расставил знаки препинания и, исправляя ошибки, кое-что вычеркнул и сказал, что не так уж и плохо. Павел решил: Женька Шутин должен ему помочь и не так вот разово, а взять над ним постоянное шефство.

– Это же твой стадион, ты здесь выступаешь, – объяснил он, – еще на финише меня встречать будешь.

С годами Пашка Ветров стал не столько умнее, сколько упрямее и настырнее. Шутин же вырос в человека, который любил шефствовать и помогать.

Павел закончил университет, начал сотрудничать и в толстых журналах и однажды заявил, что написал повесть. Евгений работал над прозой давно, уже несколько лет, все не мог закончить, еще раз переделать, отшлифовать – мешали дела, жизненная круговерть. А тут Пашка, у которого в голове полторы мысли, положил на стол рукопись, смотрит невозмутимо. Повесть оказалась скверная, о языке и говорить нечего. Приговор Пашка выслушал стойко, дальше все закрутилось, как в отлаженном механизме. Пашка переписывал свою

повесть столько раз, что довел Женю и всех знакомых редакторов до белой горячки. «Скоростной спуск» – так называлась повесть – опубликовали, под Пашкиным портретом коротко сообщили, что он мастер спорта, своих героев взял из жизни, выдрал прямо с мясом, в общем, выпросили индульгенцию за язык автора и прочие литературные огрехи.

Тридцатилетие друзья отмечали порознь. Евгений вновь женился. Шутин-старший построил вторую квартиру, появились новые холодильник, телевизор и половичок. В этот раз Павел мебель не таскал, ему дали отставку заранее. Верочка была красива, обаятельна и талантлива. Она три года сдавала в Строгановское, но экзаменаторы не могли или не хотели оценить ее талант. Женя понял, что, женившись, выиграл миллион по трамвайному билету.

В редакции, где он работал, сменилось руководство. Новая метла, новые порядки. Шутин привык отвечать за работу отдела, а не отчитываться, куда пошел, почему опоздал или вовремя не оказался на месте. Он был человеком творческим, а не чиновником, прикованным зарплатой к столу и телефону. Евгений Шутин стал корреспондентом другого журнала. На работу можно не ходить, пиши себе целыми днями, правда, зарплаты нет, зато и гонорар тебе никто не ограничивает. Вскоре родился сын, жизнь приобрела новый смысл. Евгений трудился: очерк, статья, рецензия, радио, телевидение, задумана новая книга, хотя еще не закончена старая.

Павел Ветров за эти годы написал несколько повестей, у него вышло две книги. Павел стал профессиональным писателем, работал уже уверенно, на него начали обращать внимание в литературных кругах. Некоторые его коллеги считали, что если Павел выйдет за рамки спорта, копнет поглубже и перестанет держаться за сюжет, как за якорь спасения, то он способен написать прозу настоящую.

– Возможно, когда-нибудь и рискну, – говорил Павел, – еще рано, класса не хватает.

Спорт выработал в нем не только упорство и умение работать. Павел еще обладал удивительным чувством времени и расстояния.

– Я знаю свою трассу и свой порядковый номер, – говорил он. – Рекорд не выскакивает, как джинн из бутылки, рекорд привозят на кровавых мозолях. И нельзя сесть за стол и сказать: сейчас я напишу гениальную прозу.

Дружба Шутина и Ветрова возродилась, когда они приближались к сорокалетию. Евгений жил у папы, переехал с чемоданами и книжками в свою комнату. Верочка с сыном остались в двухкомнатной квартире.

Евгений работал директором картины на киностудии, ел вкусные мамины обеды и был впервые по-настоящему счастлив.

– Двадцать лет отобрала у меня эти две женщины, – говорил он. – Хватит, теперь я наконец свободен и живу в свое удовольствие. Я молод, сорок для мужчины не возраст, все впереди.

Павел согласился, однако задал грубый вопрос:

– Директор картины – это интересно?

– Интересно, – решительно ответил Евгений. – Так называемым творчеством я предоставляю заниматься таким, как ты. Вы легко усваиваете, что хорошо и что плохо, о чем писать следует и о чем нельзя. Вас ценят и подкармливают. Я уже не умею творить по указке.

Павел не возражал.

– Ты теперь совсем не пишешь?

– Почему же? – Евгений несколько надменно улыбнулся. – Я пишу, для себя, – он посмотрел многозначительно, и Павлу стало ясно, что сам он, Ветров, пишет черт знает что, на потребу обывателю.

Он не обижался – хоть и с перерывами, но больше тридцати лет вместе, привыкли друг к другу. Сидят сейчас рядом за столиком кафе, как когда-то сидели за школьной партой.

Евгений, высокий, изящно-сухощавый брюнет с молодым подвижным лицом, небольшими, но очень яркими глазами, держался по-барски небрежно и чуть вызывающе.

Большоголовый скуластый Павел, крепко расставив ноги, подавшись вперед, облокотился на столик, приглаживая широкой ладонью мягкие, коротко стриженные волосы.

– И сколько ты думаешь здесь сидеть, Паша? – спросил Шутин, покачиваясь на стуле и оглядывая кафе. – Каждый вечер, третий месяц.

– Четвертый, – вздохнул Ветров.

– Гению необходимо одиночество, – Шутин понимающе кивнул. – Поэтому ты и не женишься? Это скверно, Паша, мальчонке за сорок, а он не знает, где находится загс.

Павел не ответил, потянулся, стул предупреждающе пискнул. Ветрову не хотелось ни двигаться, ни разговаривать. Так бывало после тяжелых соревнований. Дрался, дрался, наконец победил, а зачем, спрашивается? Что до твоей победы окружающим? И никому до тебя нет дела, и всегда приходится платить за победу больше, чем она того стоит, и вот ты пустой, выжатый победитель-банкрот. И кажется тебе, что это последний раз, больше тебя в драку калачами не заманишь, и уверен, что это неправда, пройдет время, значительно меньше, чем ты рассчитываешь, и затоскуешь, бросишься вновь и снова будешь проклинать себя, лезть вперед, падать и кувыркаться, не спать ночами и сторониться людей днем. И все ты врешь, Ветров, позер и пижон, победа приносит счастье, даже когда у тебя один зритель – ты сам.

– Забыл совсем, – пробормотал Ветров и вынул из кармана упругую пачку новеньких сторублевок.

– Убери, неприлично, – сказал Шутин, толкая Ветрова. – Каждая такая бумажка для многих – месячная зарплата.

Ветров щелкнул сторублевками, как карточной колодой, и спросил:

– Так сколько тебе?

– Ничего мне не надо, спрячь, – красивое лицо Шутина исказила брезгливая улыбка. Он быстро поднялся. – Идем, Павел.

Ветров небрежно опустил деньги в карман, лениво поднялся.

Шутин распахнул дверь, пропуская Ветрова вперед. Павел кивнул, словно соглашаясь, все, мол, верно, ты и должен открывать передо мной двери.

– Порой мне хочется тебя убить, – сказал Шутин и схватил Ветрова за плечо, так как тот и не собирался остановиться и подождать задержавшегося в дверях друга, а шел себе, уверенный, что его догонят.

– И ты тоже? – Ветров, не останавливаясь, стряхнул руку Шутина. – Ты слаб, Женя, а вот Олег может. Мне не страшно, но зря я его к стенке поставил. Что мне до него? Он взрослый, нравится в дерьме купаться, купайся себе. Вечно я не в свои дела лезу.

– Ты это о ком? – Шутин все-таки остановил Ветрова, заглянул в глаза.

– Я даже завещание написал, – Ветров посмотрел на Шутина, серьезно, печально, что совершенно не шло ему. – Девочку жалко, погибнет она.

Лева Гуров шел медленно по Калининскому в сторону Киевского вокзала. За последний месяц на вокзале совершили четыре кражи чемоданов. Дело вела транспортная милиция, но Лева полагал, что объявился не вокзальный вор-гастролер, а ворует кто-то из «своих» уголовников, живущих неподалеку. Если Лева прав, то преступнику скоро надоест вокзал, небогатые уловы. Стоит в районе начать действовать хотя бы одному дерзкому удачливому преступнику, как от него расходятся волны, словно круги по воде, поднимается со дна грязь, чистая вода мутнеет. Прослышав о совершенных, еще не раскрытых преступлениях, озорники порой начинают хулиганить, хулиганы наглеют, они теперь могут вырвать у женщины сумку, снять с подвыпившего часы. В магазине идет обмен новостями. «Еще одного прирезали!» – «Одного? Утром вывозили на трех машинах». – «Куда милиция смотрит?»

Леву всегда удивляло, как люди уверенно и легко, некоторые даже с радостью, пересказывают где-то услышанные небылицы. Сам не видел, смотрит в глаза искренне: может, и врут,

однако что за безобразия творятся. Дожили! Дураку ясно, что милиция защищает честь мундира, а возможно, просто не знает о происшествиях. И откуда ей знать? В очереди за живым карпом они с утра не стояли, в пивной полдня не провели, жизнь и проходит мимо...

Лева шел на Киевский, к отправлению вечерних поездов, хотел погулять, потолкаться среди провожающих, вдруг и встретит кого из подопечных, если не задержит с поличным, то хотя бы своим появлением помешает новой краже.

Когда Ветров и Шутин еще находились в кафе, Лева остановился у стеклянных дверей, хотел зайти перекусить, но раздумал и свернул в переулок на Арбат.

Напрасно Лева не зашел.

Глава 2

Павел Александрович Ветров был убит в своей квартире выстрелом в спину. В милицию позвонила в семь утра Клавдия Михайловна Сомова. Раз в неделю она убирала квартиру холостяка, имела свой ключ, сегодня вошла, как обычно, с порога громко поздоровалась, так как хозяин вставал рано.

Ветров лежал навзничь, неподвижно, смотрел в потолок. Клавдия Михайловна в ужасе выскочила из квартиры, зазвонила в соседнюю дверь. Вскоре приехали оперативная группа МУРа, представители прокуратуры и полковник Турилин. Лева же спал на раскладушке в кухне огромной, похожей на склад квартиры и узнал о преступлении лишь в девять сорок пять, на летучке.

– ...Убийство, – протянул Орлов, листая еще не подшитые листки, – с нами все ясно, три шкуры спустят. Возмущенная общественность, контроль министерства. А прокуратура, известно...

– Раз известно, Петр Николаевич, зачем рассказывать? – тихо спросил Турилин. Лева видел, что полковник еле сдерживается, цинизм Орлова хоть кого мог вывести из себя. И будь на месте подполковника другой, Турилин бы такой пошлости не спустил. С Орловым же дело иное. Когда предшественник Турилина ушел на пенсию, в отделе не сомневались, что начальником назначат заместителя, полковника Иванова, на его же место – подполковника Орлова. Приход в отдел Турилина был неожиданным. Из провинции – в МУР, когда своих классных работников хватает! Орлов и сидел-то на должности старшего инспектора потому, что ждал вакансии, так бы давно с повышением в район ушел.

Турилину ситуация была известна, заскоки Орлова он терпел, щадил его самолюбие.

Лева поведение начальника осуждал молча. Сеня Новиков испуганно поглядывал на всех сквозь очки, жаждал всеобщего мира и дружбы, рта раскрыть не смел, так как Орлова боялся еще больше, чем Турилина. Четвертый в группе, майор Кирпичников, сидел, листая толстое «Дело». Он всегда ходил с папкой под мышкой, чтобы никому и в голову не пришло поручить Кирпичникову новое «Дело». Преступления, над раскрытием которых он работал, отличались удивительной сложностью, знали о них все сотрудники отдела, так как Кирпичников с каждым не преминул посоветоваться. И сейчас он, сдержанно вздыхая, листал папку неторопливо и походил на исследователя, человека, вконец замученного непосильным трудом, но долгу преданного, затем как бы спохватился, папку закрыл и посмотрел на Турилина: мол, только прикажите, я готов.

– Петр Николаевич прав, расследование возьмут на контроль, – тихо, словно разговаривая сам с собой, произнес Турилин. Он откинулся в кресле, вытянул под столом длинные ноги, взглянул на Орлова. – Кто поведет дело?

Орлов скользнул безразличным взглядом по Кирпичникову и Гурову; посмотрев на нахохлившегося, как воробей, Новикова, даже фыркнул возмущенно и пожал плечами. Турилин опередил его ответ:

– Гуров Лев Иванович в Москве полнеть начал. Работать, естественно, будете все – группа уголовного розыска района, инспектора и участковые отделений. Сегодня же связаться с прокуратурой города, встретиться со следователем, учесть в плане розыска его предложения, – Турилин говорил тихо и монотонно, не глядя на сотрудников. – Петр Николаевич, Гуров подчиняется непосредственно вам, болен Иванов. Вас назначили исполняющим обязанности. Вопрос с руководством управления согласован, приказ будет сегодня.

Лицо Орлова осталось бесстрастным, руки, однако, могли выдать, и он заложил их за спину, сцепил пальцы в замок. Все понятно, его, Орлова, выдвинули на огневой рубеж. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

– Ясно, Константин Константинович, – коротко ответил Орлов, встретился взглядом слевой и нехорошо улыбнулся.

– Розыск может оказаться и простым и очень сложным, – продолжал Турилин. – Главное – найти мотив убийства. При первичном осмотре места преступления причины убийства установить не удалось. В квартире вроде ничего не взято. Данный факт тщательнейшим образом проверить, перепроверить и еще раз перепроверить. Родственников у Ветрова нет, вам придется встречаться и беседовать с его друзьями, знакомыми, коллегами. Будьте предельно деликатны, однако... – Турилин выдержал паузу, подождал, пока все не посмотрят на него, – ...звания и титулы людей из окружения Ветрова не должны влиять на качество вашей работы. Желаю удачи, – полковник встал, взглянул на часы. – В двенадцать доложите план розыскных мероприятий.

Только вышли из кабинета, Кирпичников открыл свою папку, читая на ходу, направился было к себе, но Орлов остановил его, папку отобрал.

– Хватит придуливаться. Ясно? Будешь работать, как все, – он вошел в свой кабинет, швырнул «Дело» Кирпичникова на стол. – Садись, пиши план. Лева, диктуй ему. Ты, – он пальцем ткнул Новикова в грудь, – Семен Андреевич, поезжай в район, в уголовный розыск, пусть выдвигают свои предположения и срочно отрабатывают жилой сектор. В котором часу Ветров вернулся домой? Один, не один? Кто вечером гуляет с собаками? Какие влюбленные стоят в подъездах? Кто сидит у окна? Кто из жителей близлежащих домов поздно возвращается с работы? Ты понял, Семен Андреевич?

Семен Андреевич понял, его как ветром сдуло. Кирпичников аккуратно выложил на столе стопку бумаги, каллиграфическим почерком вывел шапку плана, ровненько подчеркнул и взглянул на Леву преданно...

Машина уголовного розыска беззвучно раскручивала свое гигантское колесо, втягивая в себя бесчисленное количество информации, которая в виде рапортов, справок, сообщений оседала на столе Гурова. Все это напоминало процесс добычи золота, когда во вращающийся таз с водой бросают заступами землю, и ценные породы оседают. На первом этапе розыска главное – черпнуть лопатами так глубоко, чтобы преступник обязательно был втянут в воронку розыска, ну а потом не ошибаться, анализируя, фильтровать и отсеивать, пока преступник не останется один. Лева еще ничего не фильтровал, он лишь группировал поступающий материал, систематизировал его; что не укладывалось ни в какие логические рамки, тоже выбрасывать нельзя, материалы оказывались в папке с надписью «Разное». Так, участковый уполномоченный пишет, что в беседе с молочницей, которая через день приносила Ветрову молоко, установлено: покойный выпивал литр молока ежедневно, тридцать первого августа Ветров сказал, что второго сентября молоко приносить не надо. А убит Ветров в ночь с первого на второе. Глупость? Выкинуть в корзину? А почему второго молоко не нужно? Год человек пил молоко, вдруг передумал? Что случилось?

Перепечатывать бумаги времени нет, почерки и манера изложения у людей разные, Лева изучал каждую бумажку, чуть ли не прибегал к помощи лупы, затем, уловив, о чем идет речь, очеркивал красным карандашом ключевые фразы.

Заходил Орлов, садился напротив, быстро просматривал новый материал, выписывал в блокнот наиболее, на его взгляд, интересное и исчезал. Он пытался на ходу определить направление главной версии. Через некоторое время Орлов появлялся, подбрасывал Лева собственные рапорты, опять копался в «Деле». Лева ничего не спрашивал у Орлова, раз вернулся, значит, снова мимо. Подполковник, совсем недавно розовощекий и полноватый, с мягкими ловкими движениями и соскальзывающей улыбкой, которые так не соответствовали его резкой, максималистской натуре, осунулся и побледнел, улыбка наконец соскочила с его лица. Свои указания Орлов выражал теперь не фразами, а односложно: «проверить», «уточнить», «убрать», «доставить», «опросить», «выполнить»...

Через несколько дней бумажный ливень перешел в дождь, покапал еще немного, затем иссяк. Все задуманное было выполнено, сотрудники района переключились на обычные дела и заботы, Кирпичников, успокоенный, вернулся к своему столу, Новиков взглянул виновато, вздохнул и уехал в район. Лева и Орлов остались с грудой бумаг.

Первого сентября Ветров в двенадцать часов дня появился в редакции журнала, видимо, приехал из дома. С двух до трех он обедал в ресторане, был, как обычно, молчалив и сдержан, выглядел усталым, но умиротворенным, его приятели решили, что он закончил какую-то большую работу, но ни о чем не расспрашивали – Ветров этого не любил. В три сорок пять Ветров снял в сберкассе со своего счета шесть тысяч рублей – гонорар за последнюю книгу, который был переведен из издательства накануне. В течение недели Ветров звонил в сберкасса, интересовался, поступили ли деньги. В сберкассе Ветрова хорошо знали, так как начисления он получал хотя и редко, но, как правило, большими суммами и сразу их снимал, оставляя рубли, чтобы не закрывать счет. Тридцать первого, узнав, что деньги поступили, Ветров попросил приготовить ему всю сумму крупными купюрами, деньги заказали и выплатили сторублевыми из новой пачки в десять тысяч. Таким образом, в сберкассе удалось установить серию и номера полученных Ветровым купюр. В четыре часа он позвонил своему другу Евгению Шутину и назначил ему свидание в семь вечера в кафе на Калининском проспекте. С четырех до семи Ветрова видели в бильярдной одного творческого клуба. Вечер Шутин и Ветров провели в кафе. В десять Ветров проводил Шутину до дома и, как он сказал другу, хотел еще прогуляться, чтобы к одиннадцати быть у себя. Действительно, около одиннадцати Ветрова видели в переулке. Ветров был один. По мнению экспертов, его убили около двенадцати. В переулке после одиннадцати малоллюдно, главное же, в подъезде, где живет Ветров, с одиннадцати до часу стояла молодая пара. Допрошенные порознь и очень подробно и девушка и молодой человек утверждают, что Ветров пришел один. Они его хорошо запомнили, так как парень попросил у Ветрова сигарету, тот отдал пачку, сказал, что искренне завидует, и подмигнул. Вслед за писателем по лестнице поднялись муж с женой из седьмой квартиры, больше никто не проходил. Однако человек убит и деньги не обнаружены. Если убийца не входил, значит, он был и остался в доме. Проверка этой версии казалась очень перспективной, но ничего не дала. Жильцы расположенных в подъезде квартир либо имели стопроцентное алиби, либо не могли совершить преступление по иным причинам. Ведь трудно предположить, что семидесятилетняя одинокая пенсионерка, чье пребывание в собственной квартире никто подтвердить не может, застрелила человека.

Турилин прочитал итоговую справку, посмотрел на Орлова, перевел взгляд на Гурова и сказал:

- Оставим пока в стороне вопрос – как и когда преступник вошел и вышел.
- Целовались и не заметили, – предположил Лева.
- Парень, но не девица, – возразил Орлов, – у них на этот счет чутье острое.

– Согласен, – Турилин кивнул. – Однако убийцу в любом случае необходимо найти. Ветров не мог выстрелить себе под лопатку, – сказал Турилин. – У вас есть другие предположения, кроме убийства? – и жестом остановил пытавшегося было вмешаться Леву.

Орлов твердо посмотрел Турилину в лицо и четко ответил:

- Совершено убийство, преступник не обнаружен, виноват подполковник Орлов.

– Верно, – согласился Турилин, – пока не обнаружен, мы виноваты. Турилин, Орлов и Гуров. Ну, как будем дальше жить? – и, не ожидая ответа, продолжал: – Видимо, убийство совершили из-за денег. Шесть тысяч – сумма серьезная. – Турилин отодвинул на край стола три толстые папки с материалами, положил на них справку о проделанной работе. – Лев Иванович, бумаги вы можете забрать. В каком направлении вы собираетесь продолжать работу?..

Перешагнув порог своей квартиры, Лева почувствовал опасность и остановился. Несколько секунд он раздумывал, зажег в прихожей свет, прикрыл за собой дверь. В квартире кто-то побывал. Кто? Зачем? Как вошел? Лева прислонился к двери, стоял не двигаясь. Прихожая пуста, слева дверь в комнаты. Лева повернул ключ в этой двери и запер комнаты, теперь оставалась ванная, туалет и кухня. Лева вновь оглядел прихожую, никакого тяжелого предмета на глаза не попадалось, пистолет, естественно, лежит в сейфе. Можно выйти, закрыть дверь вторым ключом и позвонить дежурному. Что сказать? «Не знаю почему, но убежден, что в моей квартире кто-то находится». Приезжает группа, рвется с ремня могучая овчарка, поблескивают вороненные стволы пистолетов. Кто-то безоружного Леву плечом оттесняет к стене... В квартире никого не находят.

Лева вытер холодный пот, словно пережил все случившееся, и в этот момент понял, что именно насторожило его. Он рассмеялся, снял пиджак, повесил на вешалку и, насвистывая, прошел на кухню. Из ванной послышался шорох. Лева включил плиту, поставил чайник и громко сказал:

– Выходи с поднятыми руками и сдавайся! Выходи, иначе запру ванную!

Скрипнула дверь, в кухне появилась высокая худая девочка, длинные волосы и расклешенные брюки делали ее похожей на танцовщицу.

– Положи ключ на место, – не поворачиваясь к ней, продолжая возиться со сковородкой, сказал Лева. – Тебе не говорили, что тайное похищение чужого имущества по Уголовному кодексу квалифицируется как кража? Статья сто сорок четвертая, часть первая.

Незваная гостья села, положила ключ на стол, закинула длинные русые волосы за спину, и при ярком освещении стало понятно, что это не девочка, а вполне взрослая девушка, с красивыми подведенными глазами и чувственным капризным ртом.

Ее звали Маргарита, жила она этажом выше и познакомилась с Левой чуть ли не на второй день его переезда. Она явилась без приглашения и, протянув узкую ладошку, сказала: «С приездом, коллега, меня зовут Марго». Лева вздрогнул при слове «коллега», которое часто употреблял Турилин. Правильно оценив агрессивный характер гостьи, спросил: «Марго? Интересно. А как записано в метрике, или вы уже получили паспорт?» – «В паспорте – Маргарита Николаевна!» – «Очень интересно, – Лева развел руками, – но я, к сожалению, не Мастер и Маргаритой называть тебя не могу. Марго? Так я не Генрих Наваррский. Я буду звать тебя Ритой», – вынес приговор Лева.

Таким образом, война была объявлена сразу и с того дня не прекращалась ни на минуту.

Рите недавно исполнилось двадцать, она перешла на третий курс юридического факультета МГУ, считала себя следователем, прокурором или адвокатом, в зависимости от настроения, и самой хорошенькой девчонкой на факультете.

– А ты действительно сыщик, Лева? – Рита взглянула на него с любопытством. – Как ты узнал, что я тебя жду?

Лева поджарил кусочки колбасы и разбил несколько яиц.

– Вот тебе домашнее задание, – Лева начал искать соль. – Как я узнал, что в квартире посторонний и именно ты.

Риту выдали французские духи. Входя в квартиру, Лева почувствовал, что насторожил его запах, и тут же узнал духи.

– Я тоже хочу яичницу с колбасой, – заявила Рита и быстро достала тарелки и вилки.

– Прекрасно, но это уменьшит мой ужин ровно наполовину, – ответил Лева.

Дома Риту закармливали, готовили для нее деликатесы, но она капризничала, ела неохотно. Зато у Левы Рита лопала с отменным аппетитом пельмени, готовые котлеты, в общем, все, что оказывалось на столе.

– Ты поймал убийцу? – вытирая корочкой тарелку, спросила Рита.

– Ловят бабочек, преступников задерживают, – ответил Лева. – И ты ошибаешься, я не разыскиваю убийцу. Расследую неинтересное, нудное дело.

– Ты, как всегда, врешь, Лева, – безапелляционно изрекла Рита и была не права, так как Лева лгал редко. – Бабочек ловят? А что делают с девушками?

За несколько месяцев знакомства Лева так и не привык к ее манере вести разговор. Задав вопрос и не выслушав ответ, Рита задавала второй и тут же высказывала свое категорическое суждение по третьему вопросу.

– Девушек любят, – Лева встал, взял Риту под руку и повел к дверям, – особенно любят девушек, которые воруют запасные ключи и незаконно проникают в чужие квартиры, – он прислонился к дверному косяку: – Ритуля, я устал как собака.

– Собаки устают лишь на Севере, где на них ездят. Наши собаки ленивы и избалованны, – Рита стояла, положив ладони на узкие бедра, вероятно, изображала ковбоя.

– Я устал, как собака из рассказа Джека Лондона, – Лева щелкнул замком на двери.

– Тебе не хочется меня поцеловать?

Лева взял девушку за руку, прикрыл глаза, страстно вздохнул и поцеловал в щеку.

– Сразу видно, что из деревни. Ты любишь вот таких, – Рита развела руки, показывая, каких толстых девушек, по ее мнению, любит Лева, выскочила на площадку и показала язык. – Я тебя терпеть не могу, – и походкой манекенщицы направилась к лестнице.

– До завтра, – Лева закрыл дверь и занялся раскладушкой. Каждый вечер он давал клятву разломать ящики и отыскать свой любимый диван-кровать.

Засыпая, Лева подумал, что завтра надо сходить в библиотеку и взять книгу Павла Ветрова.

Глава 3

На прикрепленной к двери металлической пластинке было написано: «Ирина и Олег Перовы», и чуть ниже: «Мир этому дому».

Лева одернул пиджак, зачем-то откашлялся и позвонил, стараясь, чтобы звонок был спокойным, не слишком коротким и не нахально длинным. В эту квартиру Леву привел разговор с Евгением Шутиним.

Гуров не верил, что убийство совершено из-за денег. Он разделял точку зрения подполковника Орлова. Убийство готовилось, деньги же Павел Ветров получил за несколько часов до смерти, когда преступник уже все выверил и рассчитал. Лева смалодушничал, не сказал о своем мнении в кабинете Турилина, не хотел поддерживать Орлова и выступать против начальника. Необходимо найти истинный мотив преступления, убийца не пришел со стороны, он хорошо знал Ветрова, полагал Лева.

С близкими Ветрова необходимо познакомиться, постараться найти среди них людей, могущих помочь розыску преступника, но не допрашивать их в кабинете, где разговор всегда носит официальный характер.

Начал Лева с Евгения Шутина. Разговор у них не получился. Шутин занимался организацией похорон.

– Вы придете в себя, и мы встретимся, – сказал Лева, – а пока припомните, пожалуйста, с кем Ветров общался последнее время. Вы знаете его приятелей, знакомых?..

Лева сразу позвонил Перовым, так как Шутин как бы невзначай, но явно умышленно обронил, что покойный был безнадежно влюблен в Ирину Перову.

Аллея начиналась сразу после Белорусского вокзала и, рассекая Ленинградский проспект, тянулась до Сокола.

Ирина легко ступала белыми туфельками по влажной земле, улыбаясь, смотрела на смыкающиеся впереди кроны деревьев, и ей казалось, что аллея ведет непосредственно в рай.

Прошел дождь, трава облегченно выпрямилась, деревья замерли, стараясь сохранить драгоценную влагу, сейчас, ночью, набраться сил для нового дня. Ведь к утру уплотнятся потоки машин, стремящихся стереть аллею до узкой осевой. Аллея днем вдыхала аромат выхлопных газов, съеживалась, терпела, чтобы ночью восстать заново и дарить людям запахи детства, отвечая добром на зло.

Все было как в кино.

Сегодня, нет, уже вчера Ирина вышла замуж за самого красивого, самого сильного и мужественного, самого замечательного человека на земле.

Ирина, Олег, Павел Ветров и Евгений Шутин убежали со свадьбы, от гостей, которые продолжали, не замечая отсутствия молодоженов, веселиться в ресторане.

Ирина шла рядом с Павлом, чуть отстав – Олег с Евгением. Шли они быстро, почти бежали, но не потому, что торопились, спешить абсолютно некуда, просто целый день они были очень скованны.

Дворец бракосочетания, радостная, но изнурительная и показушная процедура, затем обед с Ириниными родителями, тетками и прочими родственниками. Вечером в ресторане свадьба, положенные тосты, речи, пахнущее нафталином и неумирающее «горько!». Они тянулись друг к другу губами, взглядом извиняясь и прощая, мечтая о воле и о настоящем поцелуе. Наконец терпение кончилось, и они сбежали. Павел с Евгением прикрыли их отход, и теперь вчетвером они идут, бегут, летят по аллее.

Ирина в белом платье, сняв фату и размахивая ею, словно факелом или знаменем, шла все быстрее и быстрее. Павел поддерживал ее за локоть, когда надо было перепрыгнуть лужу, рассказывал что-то смешное. Ирина его не слышала. Машины слева и справа проносились,

шаркая шинами, на мгновение высвечивая темную листву и белую легкую фигуру Ирины. Она счастливо улыбалась и повторяла где-то услышанную фразу: «Не плыви по течению, не плыви против течения, плыви туда, куда тебе нужно».

...Они встретились месяц назад на вечеринке. Первого мая. Разношерстная компания молодежи, никто из них не хотел отмечать праздник вместе, но к вечеру кто-то кому-то позвонил, кликнули друзей, собрались на еще не обжитой, холодной даче, прихватив из дома кто что мог. Настоящее веселье всегда возникает экспромтом. Среди музыки, шума и слегка пьяной болтовни крутилась любовь. Ирина пользовалась успехом: лукавая и женственная, она держалась с поклонниками ровно и снисходительно, уклоняясь и не уклоняясь от легких поцелуев, танцевала не устывая, переходя из рук в руки, словно эстафетная палочка, принадлежала всем и никому. В свои двадцать лет она уже умела остановить мужчину даже не взглядом, а лишь легким движением бровей, взмахом ресниц. Танцую с Олегом – его она видела впервые, – Ирина была удивлена, что он не набылчился, не стал заниматься гипнозом, не потянулся пьяными губами, а улыбнулся открыто и радостно, заговорщицки подмигнул.

– Душно, пойдем подышим, – сказал Олег.

«Похожи, как оловянные солдатики», – подумала Ирина и недовольно поморщилась. Продолжая танцевать, Олег направился к двери, Ирина убрала с его плеч руки, хотела отойти и тут только поняла, что она не касается пола. Олег, взяв ее за талию, приподнял, держал в воздухе, простодушно улыбался, словно не понимая ее возмущения. Ирина попыталась вырваться, ее кулачок отскочил от его груди. Ирину и раньше носили на руках, но мужчины при этом сдерживали дыхание и вымученно улыбались, руки их становились жесткими, делали ей больно. Олег танцевал легко, она плыла рядом по воздуху, не ощущая собственного веса, его широкие ладони держали ее мягко и уверенно.

Олег вынес ее на веранду, закрыл за собой дверь ногой, и Ирина почувствовала, что там, в комнате, все замолчали. Олег поставил ее на стол, пригрозил пальцем, будто нашалившему ребенку. Ирина прижала ладонями юбку и тихо сказала:

– Снимите меня.

– Ты убежишь, – Олег сел на стол, поднял голову и засмеялся.

– Поставьте меня на пол, – она могла бы спрыгнуть, но Ирине захотелось, чтобы он снова взял ее на руки.

– Как тебя зовут? – Олег, стряхивая пыль, провел ладонью по столу и посадил ее рядом.

В этот вечер больше никто Ирину танцевать не приглашал.

Через несколько дней Ирина приехала в аэропорт провожать Олега, лишь в «Шереметьеве» ей стало известно, что он улетает в Софию.

– Небольшая командировка, – говорил Олег, улыбаясь.

Она знала, что ему двадцать семь, он одинок, только что закончил институт тонкой химической технологии и получил распределение на завод химического машиностроения. На ее вопрос, почему закончил институт так поздно, Олег, как всегда, ответил шутливо:

– Потому, что лоботряс и физкультурник. Каждый день делаю гимнастику по радио. Чувствуешь, какой здоровый! На институт вечно времени не хватало.

Он был необъяснимо, фантастически сильный. Казалось, что под его смуглой кожей переливалась тяжелая ртуть, но, когда он напрягал мышцы, ртуть превращалась в сталь.

Только в «Шереметьеве» Ирина узнала, что Олег – мастер спорта международного класса по штанге...

В аэропорт они ехали порознь, что удивило, даже обидело Ирину.

– Я должен ехать вместе с ребятами, – сказал Олег, не вдаваясь в подробности. – У нас так принято. Жены приезжают отдельно. Встретимся у границы, в зале ожидания.

Тогда Ирина не обратила внимания на слово «граница». Но, прибыв в международный аэропорт, поняла, что тут действительно граница. Улетающие, даже иностранцы, которые

обычно ведут себя довольно шумно, здесь разговаривали вполголоса, держались подчеркнуто корректно. Ирина несколько растерянно оглядела зал.

Олег стоял в группе мужчин, увидав Ирину, быстро подошел, подвел к своим приятелям и, чуть сжав Ирине локоть, сказал:

– Знакомьтесь, ребята. Ириша, моя невеста. Мы любим друг друга и после моего возвращения женимся. Ириша приглашает всех вас на свадьбу.

Они не говорили о женитьбе, не было и намека, до этого момента Олег ни слова не произнес о любви. Они даже не целовались. При встречах и расставаниях Олег целовал ее в щеку или в лоб, словно она не взрослая девушка, а ребенок.

Услышав такое своеобразное объяснение в любви, Ирина покраснела, под откровенно любопытными взглядами смутилась еще больше, протянула руку ближайшему. Они знакомились с ней, галантно раскланивались, брали ее руку осторожно, словно рука фарфоровая. Только позже Ирина поняла, что ребята боялись сделать ей больно.

Когда знакомство состоялось, замолкли поздравления и Ирина с Олегом отошли в сторонку, он объяснил, кто такой Олег Перов, что это команда штангистов и летят они на товарищеский матч.

– Неужели ты не читала обо мне, не видела по телевизору? – удивился он.

Ирина отрицательно покачала головой, не зная, радоваться или огорчаться оттого, что Олег оказался знаменитостью.

– Это к лучшему, – подвел черту Олег, – не люблю околоспортивных девочек.

И он начал рассказывать о своих друзьях, вскользь говорил о титулах, акцентируя внимание на том, что все они исключительно замечательные, мужественные ребята, прекрасные товарищи и бойцы.

Ирина взглянула на него и спросила:

– Кто сказал, что я выйду за тебя замуж? – и испугалась: обидится и уйдет, она останется одна.

Олег положил руку на ее плечо:

– Не пойдешь, поведут поневоле. В жизни не просить, отнимать надо, – он улыбался, глаза смотрели холодно и зло.

«Так он смотрит на штангу», – решила Ирина и, досадуя на себя, сказала:

– Меня отнять нельзя, придется попросить, – она прижалась к его груди и всхлипнула...

Ирина ходила в институт, писала лекции, разговаривала, отвечала на какие-то вопросы, занималась хозяйством, в общем, жила как обычно. Делала она все привычные вещи словно во сне, она дремала в ожидании какого-то события, все окружающее не интересовало ее, важно было то, что надвигалось. Что надвигается, Ирина не знала, она чувствовала, что скоро жизнь пойдет совсем иная, неизвестно, хорошая или плохая, но иная. Мать с отцом ни о чем не догадывались, и она не представляла себе, как сообщит о замужестве. Подругам она тоже ничего не говорила. А что она могла сказать? «Неделю назад я познакомилась с человеком, который утверждает, что мы любим друг друга и скоро поженимся?» Ирина не знала, любит ли она Олега, так как теперь не понимала, что такое любовь. Неделю назад знала абсолютно точно, теперь – нет. Совершенно необходимо находиться рядом с ним, все остальное несущественно. И она жила и ждала.

Ирина ужинала с родителями, улыбалась шуткам отца, которых не слышала, когда по нервам неожиданно ударило: «Олег Перов...»

– Что Олег? Где? – Ирина вскочила из-за стола, озираясь.

Родители недоуменно переглянулись.

«Завтра наши богатыри возвращаются на родину, – сообщил диктор радио. – Прослушайте сводку погоды...»

Ирина посмотрела на транзистор, почувствовала, что сейчас заплачет, и выбежала из комнаты...

Олег встретил ее у института, будто не улетал никуда, и Ирина сунула ему свою папку так же, как неделю назад. Он легко обнял ее за плечи, поцеловал в висок, о чем-то спросил, что-то начал рассказывать. Ирина ничего не слышала, была на грани обморока, наконец не выдержала и села на скамейку.

– Ты нездорова? – Олег наклонился и заглянул ей в лицо. – На несколько дней оставить нельзя.

Ирина сказала маме, что вечером к ней придет один человек, и спросила, будет ли дома отец. Мама ответила, мол, куда ему деваться, и засуетилась по хозяйству.

В шесть неожиданно пришли Ириныны тетки Оля и Клава, вскоре появился глава клана Власовых – дед Василий, а к семи в их маленькой квартирке было не продохнуть от родственников. Ирина, ничего не понимая, с ужасом смотрела на это нашествие.

Все оживленно переговаривались, не обращая внимания на Ирину. Женщины хлопотали на кухне и у стола, мужчины курили на лестничной площадке. Олег пришел около восьми, как и обещал; сделав общий поклон и понимающе улыбнувшись, он при всех поцеловал Ирину в лоб. Она хотела шепнуть, что не виновата, сама не знает, почему столько народу, но, чувствуя на себе уже многозначительные взгляды родни, промолчала.

Сели за стол, наполнили рюмки. Олег ловко и незаметно налил себе воду. Наступила томительная пауза. По обычаю, когда за столом присутствовал дед Василий, первый тост должен был говорить он, но дед молчал. Олег поднялся, стараясь не улыбаться, сказал:

– Ну что мы, словно не знаем, зачем собрались? Ириша согласилась выйти за меня замуж, я постараюсь оправдать столь высокое доверие. Будем здоровы, – и выпил, ни с кем не чокаясь.

Больше никто не выпил, все молчали, смотрели на деда. Он отодвинул рюмку, крикнул, долго откашливался, наконец сказал:

– Как понять «она согласилась»? А отец с матерью?

Ирина, зная суровый нрав деда, хотела прийти Олегу на помощь, но он под столом легко сжал ей руку.

– Что отец с матерью? – простодушно спросил он. – Они, как я понимаю, четверть века прожили, а у нас с Иришкой все впереди, – Олег подхватил Ирину под руку, они встали.

– Мы женимся, – сказала неожиданно для себя Ирина, – и остановить нас могут только танки.

...И вот сегодня, нет, уже вчера утром Ирина вышла замуж. Он идет сзади, ее муж. Она не слышит, что говорит этот взрослый, но удивительно непосредственный человек, который помогает ей перепрыгивать через лужи, она прислушивается к голосу Олега.

На двери, обитой черным кожзаменителем, красовалась табличка: «Ирина и Олег Перовы». Олег протянул Ирине ключ, она сделала книксен, хотела уже открыть, но Евгений, театрально поклонившись, остановил ее:

– Минуточку! – он вынул из спортивной сумки бутылку шампанского и стаканы.

– Воруем потихоньку, – сказал Павел радостно.

Евгений холодно посмотрел на друга, один стакан спрятал назад в сумку.

– Я больше не буду, – быстро сказал Павел и выхватил стакан из сумки.

Евгений открыл шампанское, брызнул на дверь и, подняв руку, торжественно произнес:

– Мир этому дому! Открывай! Женщину на руки!

Ирина открыла дверь. Олег подхватил ее на руки, точнее, посадил ее на одну руку, и они вошли.

Лампочки без абажуров ярко освещали совершенно пустую двухкомнатную квартиру – Олег купил ее недавно и сам здесь еще не жил. Лишь в центре большой комнаты стоял стол, заставленный кубками и хрустальными вазами, одна стена была увешана вымпелами и меда-

лями. Голые без занавесок окна казались огромными. Пахло клеем и свежим деревом. На кухне одиноко белел холодильник. Ирина обошла квартиру на цыпочках, словно боялась разбудить кого-то, выглянула на балкон, повернулась к наблюдавшим за ней мужчинам и сказала:

– Мне так приятно будет все делать самой. Это так здорово, что еще ничего нет!

– Святая простота, – вздохнул Павел.

– Да замолчи ты, циник! – оборвал его Евгений, доставая из своей сумки завернутые в салфетки бутерброды, блюдо с заливной рыбой и еще одну бутылку шампанского.

– Это вам на завтрак, дети, – он положил все в холодильник. – Павел, на выход!

С тех пор прошло больше пяти лет.

Глава 4

Лева сидел на кухне за большим столом, сделанным из толстых сосновых досок. Дерево, видимо, слегка обжигают, выявляя его фактуру, затем покрывают бесцветным лаком. Прочно и надежно, ничего не пачкается, не скрипит, шляпки огромных гвоздей, выглядывающих из дерева, словно изюмины из пасхального теста, гарантируют нерушимость сооружения.

Ожидая хозяйку, которая говорила по телефону, Лева хотел сдвинуть стол с места и улыбнулся собственной неудаче. Насколько успел разглядеть Лева, все в квартире Перовых было прочно и солидно, и удобно, без броской сиюминутной показушности. Ничего не сверкает, не бросается в глаза, мягкий палас приглушает шаги, свет в холле рассеянный, стены под дерево, все спокойно, очень спокойно.

Только взгляд хозяйки показался Лева беспокойным, лихорадочно блестящим, словно у Ирины была высокая температура. «Такая у меня профессия, – с горечью подумал Лева. – Раз пришел, значит, улыбок не жди, радоваться людям нечего. Многие сравнивают нашу профессию с профессией врача, мол, врач тоже порой делает больно, но лечит, спасает жизнь. Врач делает больно порой, мы делаем больно почти всегда, и как ни деликатничай, а все равно больно. Вот пришел, только «здрасьте» сказал, а Ирине уже больно, она хватается за ненужный телефонный звонок».

Ирина вернулась на кухню.

– Извините, – сказала она и попыталась улыбнуться. – Мы, женщины, такие болтушки. Сейчас я сварю кофе.

– Спасибо, – Лева показалось, что Ирина решила варить кофе, тоже чтобы как-то оттянуть разговор.

Что увидел писатель Ветров в этой молоденькой женщине, за что полюбил?

Ирина была маленького роста с тонкой мальчишеской фигурой и легкой походкой. Темно-русые волосы она стригла коротко, брови у нее были темнее волос, а глаза совсем светлые. Внешне она безусловно привлекательна, но не более того, решил Лева. Что-то в ней Ветров увидел еще.

– Вы ищете убийцу Павла, – Ирина не спросила, сказала утвердительно, поставила перед Левою чашку и села напротив.

Лева не ответил, встретился с Ириной взглядом и увидел в ее глазах такую боль и тоску, что быстро отвернулся. «Почему я должен этим заниматься? Но как искать преступника и не беспокоить хороших людей? Она пришла с похорон и ждет мужа, вовремя я приперся...»

– Извините, – Лева встал, – я вспомнил об одном неотложном деле. Извините. Я позвоню вам на днях.

Ирина все-таки не выдержала и заплакала, слезы побежали по ее щекам; она вытерла их ладошкой.

– Не лгите, садитесь и пейте кофе. Курите, – Ирина не стыдилась слез, не прятала лицо. – Я сейчас, я вообще-то сильная. Понимаете, Павел... Так вот, сразу. Я сейчас, – она быстро вышла из кухни.

Зазвонил телефон, аппарат стоял здесь же, на кухонном столе. Лева снял трубку.

– Гуров? – услышал он голос подполковника Орлова.

– Слушаю, Петр Николаевич.

– Обнаружено завещание Ветрова. У тебя телефон не параллельный? – быстро спросил Орлов.

– Не знаю, – соврал Лева, убежденный, что Ирина не снимет другую трубку.

– Девица рядом? Она не может услышать?

– Говорите, хотя я все понял, – сказал Лева.

– Что ты понял? Что? Кто в наше время пишет завещания? Ты? Я? Кто? Ветров знал, что ему грозит опасность. Ты понял? Ты знаешь, кому он все завещает?

– Знаю, – Лева разозлился на начальника, на его радостный и безапелляционный тон.

– Раз ты такой умный, – Орлов рассмеялся, – так тряхни эту девицу как следует. Почему это писатель Ветров, одинокий человек, завещает пай за кооперативную квартиру и причитающиеся ему в издательствах и на киностудиях гонорары замужней женщине? Почему, Лева? Между ними что-то было, и это что-то может оказаться серьезной зацепкой. Знаешь, тащика ее сюда.

– Не стоит, успеем, – Лева улыбнулся вернувшейся Ирине, жестом показал, что извиняется за разговор.

– Кофе пьешь? – спросил Орлов.

– Конечно. Извините за совет, Петр Николаевич, – Лева придумал, как отвлечь Орлова от Ирины и не дать им встретиться. – Почему бы вам не заняться другой половиной?

– А то я не догадался! – возмущенно фыркнул Орлов. – Сейчас я этим бывшим спортсменом займусь. Ну, давай, – и он неожиданно повесил трубку.

– У вас что-то случилось? – Ирина снова попыталась улыбнуться.

– Очередная неприятность, Ирина, – Лева тоже изобразил улыбку. – Можно вас так называть? Какой же я ерундовый сыщик, если у меня на физиономии все написано.

– Вы славный сыщик, Лев Иванович, – Ирина все-таки улыбнулась. Помедлив, сказала: – Я не любила Павла, но лучше человека, чем он, не встречала. Павел был, по-моему, удивительно мужественный и порядочный человек.

– Когда вы познакомились с ним? – спросил Лева.

– В день свадьбы. Он был свидетелем Олега. Помню, товарищи Олега по спорту разобиделись, что пригласил свидетелем постороннего, не из команды. Олег очень уважал Павла, я даже ревновала порой. Павел относился к моему мужу несколько снисходительно, меня это раздражало, затем я поняла... – Ирина замолчала, взяла сигарету и неумело закурила.

– Что вы поняли? – спросил Лева.

– Так, не важно, – Ирина закашлялась.

– Ну а все-таки?

– Мне не хочется говорить на эту тему, – Ирина открыто взглянула на Леву, и он сказал:

– Когда вы поняли, что Павел любит вас? Он говорил об этом?

– Никогда! – быстро ответила Ирина. – Никогда, ни полслова.

«Так ли это?» – хотел спросить Лева, но не спросил. Как установить истину? Ирина производит впечатление человека открытого и честного. Нужны факты, а не впечатления. Если Ирина была с покойным в близких отношениях, то убийцей может оказаться либо Олег Перов, либо кто-то третий, пока неизвестный. Убийство из ревности на данном этапе розыска выглядит наиболее убедительно. Деньги же взяли, инсценируя ограбление, узнал-то о деньгах убийца, возможно, в последний момент. Ирина говорит, что не любила Ветрова.

– Павел любил меня, – сказала Ирина. – Я знала, удивлялась и восхищалась его любовью. Я совершенно ее не заслуживала. Павел не только не сказал ни слова, он не искал встреч со мной. Павел всегда оказывался рядом в нужный момент, умел помочь.

– То, что вы рассказываете, очень важно для меня, – после долгой паузы произнес Лева. – Чтобы найти врага Павла, мне необходимо понять его самого.

Ирина согласно кивнула, но окинула Леву таким взглядом, будто сказала: «Не дано вам, мелко плаваете!»

Лева догадался и покраснел. Когда он смущался, в нем вспыхивала красная лампочка, и Лева этой лампочкой управлять не научился, управлять – нет, а использовать – да. Он посмотрел на Ирину открыто, ничуть не скрывая своего смущения, и сказал:

– Пусть мне не дано понять Павла Ветрова до конца, но я обязан, – он выделил последнее слово, – стараться в силу своих возможностей. А вы, Ирина, обязаны мне помочь, – и повторил, растягивая гласные: – Обя-а-за-а-ны.

Несколько лет назад, в самом начале своей работы, Лева, нанося ответный удар, тем более женщине, да еще молодой и обаятельной, опускал глаза, давал человеку прийти в себя. Сейчас Лева смотрел Ирине прямо в лицо, не гипнотизировал, не угрожал взглядом, просто смотрел, как бы предлагал: сбросим маски, будем естественны.

– А то ведь нехорошо, Ирина, что вам хочется – вы рассказываете, не хочется – умалчиваете. Нехорошо, нечестно.

Лева любил и в неофициальных беседах, и при официальных допросах сводить все к сути, к конкретным понятиям: «хорошо и нехорошо», «честно и нечестно», «долг», «совесть». Он научился этому у отца. Лева запомнил не просто слова, он умел их говорить, обнажая их простую, но почему-то многими забытую суть.

Взгляд Ирины заметался, забился, словно солнечный зайчик, пущенный дрожащей рукой.

– Я вам напомню, помогу, – говорил Лева. – Павел относился к вашему мужу несколько снисходительно. Это раздражало вас, но вскоре вы поняли... – он сделал короткую паузу. – Что вы поняли, Ирина?

Леве оставался всего один шаг, последнее усилие, и он завладел бы тайной. Но именно последнего усилия и не хватило, он допустил ошибку, то ли в тоне, то ли в каком-то лишнем движении, и порвал ту невидимую нить, на которой удерживал Ирину. Она встала, отошла к плите и, не глядя на Леву, ответила:

– Вы ошиблись, Лева, неверно меня поняли.

– Возможно, – как можно беспечнее сказал он, понимая, что не ошибся, однако больше ничего от нее сегодня не добьется. Он уже собирался откланяться, подыскивал подходящие слова, мол, не хочу быть надоедливым, но нам придется еще встретиться, когда вернулись с похорон Олег Перов и Евгений Шутин.

Олег, как часто случается с бывшими спортсменами, за последние годы несколько располнел и выглядел старше своих тридцати трех лет. Шутин же, подтянутый, как всегда изящно одетый, был моложе своих сорока трех. В общем, со стороны они казались ровесниками.

С Шутиним Лева раскланялся, они утром уже говорили по телефону, с Перовым поздоровался, и рука Левы потонула в огромной ладони экс-чемпиона. «Такой не воспользуется пистолетом, шарахнет кулаком, расколет голову, как орех», – подумал Лева, потирая слипшиеся после рукопожатия пальцы.

– Помянем по русскому обычаю, – сказал Олег, натужно откашливаясь.

Шутин смотрел задумчиво, несколько растерянно. Перов, помогая жене накрывать на стол, двигался энергично, несколько нервно, говорил быстро, пытливо поглядывая на Леву, хотел узнать что-то большее, скрытое за ничего не значащими словами.

– Я почему-то считал, что сыщик всегда присутствует на похоронах, – сказал Шутин, начал разливать коньяк, но рука так дрожала, что он отдал бутылку Лева. – Ведь убийца может выдать себя, – он криво улыбнулся. – Правда, он может выдать себя и на поминках, – и вытянул над столом дрожащие руки.

– Убийца – уголовник, он не из приятелей покойного, – глядя на Шутина, спокойно лгал Лева. – Преступника не было на кладбище и не может быть на поминках, – он чувствовал, что Перов ему верит, а Шутин – нет.

– Время рассудит, – сказал Шутин и, расплескивая коньяк, молча выпил.

Сидевший рядом Перов взял Леву за плечо, повернул к себе и спросил:

– Вы его найдете?

– Куда он денется? – Лева высвободил плечо и отодвинулся. – Некуда ему деваться.

– Глупый и нахальный мальчишка, – тихо сказал Шутин и вдруг закричал: – Что же это делается? Что делается? Павел, где Павел? А? – он встал, махнул рукой, снова сел и начал ругаться.

Лева шел по аллее, по которой пять с лишним лет назад бежали со свадьбы Ирина и Олег, Шутин и Ветров.

Никто из них не имеет отношения к преступлению, думал Лева. Они любили Ветрова, безусловно любили. Шутин знал его с детства, чуть ли не с первого класса. Но Ветров добился того, о чем мечтал Шутин. Один добился, другой нет. Они соперничали всю жизнь. Моцарт и Сальери? Лева поддел ногой камешек: «Мне надо менять профессию. Хорош, хорош, нечего сказать, сидишь у людей в доме, ешь и пьешь за одним столом, смотришь им в глаза, а закрыв за собой дверь, начинаешь рассуждать: кто же из них убийца?»

Лева сел на лавочку. Людей нельзя убивать, людей и обижать-то нельзя. Однако Ветрова убили. Кто-то выстрелил ему в спину и убил. Отнял у человека жизнь в расцвете сил, творчества, пусть неразделенной, но всегда прекрасной любви. Этот кто-то может остаться безнаказанным. Не должен. И он, Гуров, обязан найти человека, который выстрелил в спину Павлу Ветрову.

– Лева, дай сигарету. Ты хоть и не куришь, но таскаешь с собой.

Лева повернулся, рядом сидел подполковник Орлов. Лева знал, что он подполковник, а проходившие по аллее люди видели полноватого мужчину лет пятидесяти, чуть курного, на вид простоватого. Лева дал подполковнику сигареты и зажигалку. Орлов закурил, выпустил сильную струю дыма и спросил:

– Так что девица? Как она объясняет завещание?

– Я не спрашивал, – неохотно ответил Лева.

– «Я не спрашивал», – повторил Орлов, чмокнул, затягиваясь. – Почему же?

– Мы же люди, Петр Николаевич. Нельзя все наваливать на человека в один день. Сегодня хоронили. Пусть отойдут немножко, – Лева тоже закурил, выпустил дым, кашлянул.

– Люди? – Орлов вздохнул. – Ты, Лева, человек. Твой Турилин – человек. Орлов просто профессионал, – он курил, мусоля фильтр сигареты, размочаливая его крепкими, желтыми от никотина зубами, и причмокивал.

Орлов вообще любил казаться невоспитанным, грубоватым человеком, подчеркивая это и в словах, и в поступках. Леву раздражала его нарочитая мужиковатость. Однажды он видел Орлова в кабинете большого начальства. Там даже простой костюм сидел на подполковнике изящно, безукоризненно был повязан галстук под белоснежным воротничком. Объяснялся он в том кабинете четкими округлыми фразами, курил не чмокая и, уж конечно, не шмыгал поминутно носом.

– Мы обязаны относиться к людям внимательно, щадить их достоинство и чувства, – сказал Лева, понимая, что получит в ответ проповедь, основными аргументами которой будут обвинения в слюнтяйстве и псевдоинтеллигентности.

Он еще не закончил говорить, как Орлов заулыбался, ласково поглядывая на Леву маленькими прищуренными глазками. Он взглянул на Леву один раз, второй, как бы примериваясь, с какой стороны удобнее приняться за сей лакомый кусочек.

– Все твои люли-тюли в нашем деле ни при чем, – начал он неторопливо. – Говоришь ты «извините» при обыске или молча в барахле копаешься, когда дом человека переворачиваешь? Скажи?

Лева понял, что его никто не спрашивает, и промолчал.

– В каждом доме люди живут разные. К примеру, мужик – проходимец, мать с женой – хорошие и добрые бабы, – он довольно кивнул и причмокнул. – Разные, Лева. Однако ты все барахлишко своими руками лапашь. Все, заметь, так как оно в семье общее, и где что

припрятано, неизвестно. А души у людей отдельные, каждому своя, а ты все подряд хватаешь, без разбора.

По аллее медленно шла влюбленная пара, и Орлов примолк, выжидая.

– Ишь, любят, – ерничая, продолжал он. – Поженятся. Малый запутается в каком-нибудь дерьме, ты к ним и придешь, Лева. Представь, – Орлов округло развел руками. – Являешься. Квартирка. Понятые. Заметь, для этой девочки люди, как правило, знакомые. Соседи или дворник с лифтером. В общем, красота. И тут, – он сделал паузу и взглянул хитро, – заметил ты на стене фотографию в рамочке под стеклом. На фотографии той невеста вся в белом, а он, как положено, в черном. Оба, конечно, глупо улыбаются. Ты, Лева, как культурный, говоришь: «Извините, пожалуйста». Карточку со стены снимаешь и ножичком ее аккуратненько отколупываешь. Может, валюта именно там, скажи? Ножичком аккуратненько? – Орлов смотрел на Леву серьезно, уже не чмокал, не ерничал, заговорил он чистым языком, литературным. – В этой ситуации, Лева, твои извинения и расшаркивания сплошное издевательство. Ты пойми, Лева, ты пришел и разломал все, что они годами строили.

– Не я, – сорвался Лева, – разломал преступник.

– Верно. Но для семьи виновником в большинстве случаев являешься именно ты. И не переживай, не бери к сердцу. Ты о зубном враче думал?

– Каком враче? – не понял Лева.

– Который людям больно делает? Думал, думал, мы все думали, – Орлов махнул на Леву рукой. – Представь, если бы врачу каждый раз было бы так же больно, как пациенту. Представил? Мы бы быстренько без врачей остались, они бы все померли. Выводы сам делай.

Лева не ответил, они посидели еще немного, думая каждый о своем, распрощались холодно. Лева дошел до Белорусского, проехал по кольцевой остановку, вышел у зоопарка, до дома рукой подать. Что-то в разговоре с Орловым было не так, в чем-то подполковник его, Леву, надул. Лева размышлял, ворочал мозгами и наконец добился ответа. Орлов решил Перовым заняться и поехал за ним на кладбище. Олег Перов с Шутинным домой вернулись, а подполковник Орлов, видимо, лишь проводил их, поглядывая со стороны. Почему же Орлов не пригласил Олега Перова в управление? Да потому, что подполковник Орлов нормальный ранимый человек. «Разговор наш с Перовым не убежит, что сегодня, что завтра побеседуем, а с похорон друга забирать жестоко».

Так рассудил подполковник Орлов. «Ага, Петр Николаевич! – Лева ликовал. – Значит, ваши штучки-дрючки, жаргончик и прочее – только средство защиты. Умный инспектор Гуров, – уговаривал себя Лева. – Умный, но чуть-чуть с опозданием, раньше бы сообразил да преподнес свои мыслишки подполковнику. Вот бы натюрморт получился».

Лева вышел из лифта и сразу увидел на своей двери записку. Если просят позвонить на работу, утоплюсь в ванне, твердо решил Лева и прочитал: «Срочно позвони. Марго. Срочно». Он вздохнул облегченно. Лева вспомнил Ирину Перову, маленькую, голубоглазую, с копной темных, коротко стриженных кудрей, затем Риту – высокую, гибкую, с длинными прямыми волосами и темными подведенными глазами. Соблазнительный народ женщины. Наверное, я бабник, решил Лева. Хорошо это или плохо? Возможно, нормально. Интересные женщины мне нравятся, что плохого? Но их много, а мне нужна одна. И он вспомнил свою первую любовь, неожиданно ворвавшуюся и уходившую медленно, словно тяжелая болезнь, чуть ли не забирая с собой душу, оставляя измученное тело. И только Лева окреп, встал по-настоящему на ноги, вздохнул свободно, так на тебе... Да еще в своем же доме, да почти несовершеннолетняя, с манерами кинозвезды. Лева не был знаком с кинозвездами, но наверняка они вот такие. Он вновь взглянул на записку: «Срочно позвони. Марго. Срочно».

Лева вытащил из морозилки пельмени, поставил на плиту кастрюльку с водой.

«Такие девочки каждого мужчину, который не плавится под их взглядом, как стеариновая свеча, не начинают громко ржать и бить копытом, воспринимают как личное оскорбление.

Она и бегаёт ко мне каждый день, чтобы доказать свою неотразимость. А я женюсь на маленькой симпатичной толстушке, – назло себе думал Лева, – носик пупочкой и глаза разные: синий и карий. Зато она будет любить меня, а не себя, и чтобы образование не выше среднего, так как если женщина красива, умна и образованна, это уже патология, это не для нормальных людей...»

Рассуждения Левы прервал звонок в дверь. Рита вошла, заложив руки за спину.

– Здравствуй, проходи, – сказал Лева и поспешил к плите, которая возмущенно шипела и брызгала паром.

– Здравствуй, Лева, – Рита продолжала смотреть себе под ноги и осторожно ступала на носки. – Наконец-то я тебя поняла. Друг пишет: «Срочно», а ты быстрее к пельменям...

– А я знаю твой телефон? – обхватив кастрюльку полотенцем, чуть сдвинув крышку, Лева сливал воду и морщился от бьющего в лицо пара.

– Сыщик, называется, – медленно сказала Рита. Лева уже догадался, что сегодня исполняется роль «Я вся такая разочарованная». – Один мальчик, аспирант, достал мой телефон, даже не зная, где я живу.

– Пусть зайдет к нам в кадры, нам такие нужны, – парировал Лева, не удержался и добавил: – Побегает по рынкам да вокзалам, быстро дурь выветрится.

Рита опустила глаза еще ниже, положила книгу, которую держала за спиной, на табуретку, накрыла на стол и села в ожидании пельменей.

– И куда в тебя влезает, в худющую? – спросил Лева.

Рита одернула кофточку, обхватила ладонями талию.

– Международный стандарт. Кто понимает, конечно.

Лева, обжигаясь, ел и пожимал плечами. Когда с пельменями было покончено, Рита убрала со стола, даже протерла его тряпкой и положила перед Левою книгу.

– Я-то о тебе забочусь, а ты...

Лева открыл книгу. Павел Ветров смотрел на него, упрямо наклонив лобастую голову.

– «Скоростной спуск», – сказала Рита. – Неплохое название. И книга ничего. Он быстро ездил, этот Павел. Кто его остановил? – она обошла стол, погладила Леву по голове, и он, продолжая смотреть на Ветрова, взял ее руку и поцеловал. Лева прижался щекой к ладони девушки и думал, что она выразилась исключительно точно. Ветров ездил слишком быстро, таких быстрых любят в спорте, в жизни их тихо ненавидят. Словно подслушав его мысли, Рита сказала: – Мне кажется, что на своем пути к цели он не очень считался с окружающими, – и повторила любимую фразу своего отца: – Он был парень не серийного производства, штучной работы, индивидуальной. Таких многие не любят...

Эти слова отец часто говорил, когда откровенничал с дочерью. Риту возмущало насмешливое отношение отца к поклонникам. «Этот тебе не нравится, другой, какого же парня ты одобришь? Решать я буду сама, но твое мнение мне далеко не безразлично». – «Мужчина не должен походить на костюм из отдела готового платья, – ответил отец. – Можно носить этот, неплохо носить и тот. Надо найти своего, единственного, притираться друг к другу вы будете долго, всю жизнь, но он должен обладать индивидуальными качествами, отличающими его от других, для тебя совершенно необходимыми». – «Какими качествами, папа?» – спрашивала она. «Для тебя необходимыми, – повторял отец, – за которые бы ты его и любила». – «Он, конечно, должен быть идейным», – провоцировала Рита. «Естественно, – серьезно отвечал отец, – иначе он не будет настоящим мужчиной. Лично я больше всего ценю в мужчине любовь и преданность своему делу. Мужчина должен знать, зачем он живет...» – «А женщина?» – перебивала Рита, и разговор заканчивался ее монологом, в котором она учила отца уму-разуму.

...Сейчас Рита смотрела на склоненную голову Левы, чувствовала на ладони его шершавую щеку, понимала, что он думает, как говорит отец, о своем деле, и сердилась. Все мужчины эгоисты, вот она весь день думала о Леве, с большим трудом достала для него книгу, а он...

– Я чуткая и умная, – Рита отошла и повернулась на каблуках. – Ты недостоин меня, Лева. Как тебе нравятся мои брюки?

Лева опустил на землю и возмущенно спросил:

– Откуда ты знаешь о Ветрове?

– Секрет фирмы «Василек», – Рита направилась к выходу, чуть покачивая узкими бедрами: – Спасибо за пельмени.

Неожиданно она вернулась, нашла в ящике стола карандаш и прямо на стене крупно написала номер своего телефона.

Глава 5

В кассе молодой семьи находилось тысяча шестьсот рублей, не считая копеек. Попытка составить смету расходов на приобретение кухни и занавесок, спальни и плафонов, гостиной и торшера окончилась неудачей, так как и Ирина и Олег имели лишь приблизительное понятие о стоимости необходимых вещей. Ирина двадцать лет жила с родителями, где кровати, половики, столы и чашки были со дня ее рождения, а когда что-то покупалось новое, она порой и не замечала либо принимала как должное, не интересуясь ценой. Олег жил в общей квартире, комната, которую он занимал один после смерти матери, была обставлена так, что братья оттуда что-либо в новую квартиру смысла не имело. Когда Ирине нужны были пальто или чулки, она говорила об этом маме, которая совещалась с отцом, и необходимая сумма любимой дочке выделялась немедленно. У Олега с этим вопросом было еще проще, он все необходимое покупал во время поездок, за рубежом, одевался просто, но модно и не задумывался о том времени, когда обстоятельства могут измениться.

Бумажку с набросками сметы порвали и побежали в магазин, решая на ходу, куда в первую очередь: в мебельный, электротоваров или тканей?

Молодые вернулись лишь к вечеру, истратив двадцать рублей на такси и обед и приобретая в «Малахитовой шкатулке» на Калининском проспекте серебряный половник и мельхиоровое ведерко для льда, ведь шампанское у них еще было. Молодые твердо решили покупать в дом только вещи экстра-класса, никакой дешевки у них не будет, пусть на обстановку квартиры понадобится несколько лет, пусть – они не спешат, время есть.

На следующий день Олег перетащил из своей старой комнаты огромную полуразвалившуюся софу. Ирина привезла от родителей чашки, ложки, вилки. Начать решили с кухни, на другое не отвлекаться, на такси больше не ездить, обедать только в дешевых кафе или столовых. Вечером они вернулись на такси, Ирина купила портьеры для гостиной, Олег – букет алых роз. Портьеры за их цвет называли «Золото Маккены», розы поставили в одну из призовых ваз и принялись составлять план на завтра.

Через две недели кухня куплена еще не была, но в нераспакованных свертках, громоздившихся в углу, покоился столовый сервиз на двенадцать персон с изумительной супницей, честно сказать, из-за супницы сервиз и приобрели, ведь серебряный половник уже существует. В ванной заменили раковину, а в холле повесили огромное зеркало, отчего сразу стало просторнее и веселее.

От магазинов временно пришлось отвлечься, так как у Ирины началась практика, а Олег должен был появиться в отделе кадров завода химического машиностроения, куда получил назначение. Председатель спортобщества обещал, что на заводе Олега примут с распростертыми объятиями, двести рублей – тот минимум, который он, председатель, гарантирует.

Кадровик довольно равнодушно перелистал документы и сказал:

– Рады, Олег Петрович. Поздравляю с началом трудовой деятельности, с вступлением в нашу дружную рабочую семью, – и протянул вялую, испачканную чернилами руку. – Специалист по полимерам нам нужен, просто необходим. Ставка у нас имеется, неплохая ставка, надо сказать, – он почему-то опустил глаза. – Сто пятнадцать для молодого специалиста, вам просто повезло. Сейчас я вас познакомлю с начальством, – он, не поднимая головы, выдвигал и задвигал ящики стола, словно хотел именно оттуда выудить начальство на свет божий. – Уточните круг своих обязанностей и приступайте.

Олег устраивался на работу впервые, никогда в жизни не торговался, услышав же об окладе, смешался. Может, его, как соплика, обманывают, или это нормальная заработная плата? Он не показал своей растерянности, даже улыбнулся, поблагодарил, однако попросил еще несколько дней, мол, только женился, новая квартира, быт, одним словом.

– Конечно, конечно, – радостно ответил человек с чернильными руками. – Неделька терпит, приходите, мы вас ждем.

Когда за Олегом закрылась дверь, он снял трубку, набрал номер:

– Я спровадил его, Митрофаныч, – сказал, довольно улыбаясь. – Нужен? Тебе работник нужен, а не спортсмен. Ты бы видел этого работягу, костюмчик на нем ого-го, дипломат-аристократ, а не технолог.

Ниночка, секретарь председателя спортобщества, которая месяц назад, заливаясь румянцем, встречала Олега кокетливой улыбкой, холодно посмотрела и, продолжая печатать, обронила:

– Приветик, Перов. Совещание.

Олег недоуменно пожал плечами и легко открыл тяжелую дверь.

Сидящий во главе стола председатель взглянул на открытую дверь раздраженно, узнав Олега, кивнул и указал на стул. Председатель общества, заслуженный мастер спорта, в прошлом неоднократный чемпион страны, был на пятнадцать лет старше Олега, однако взаимоотношения у них уже давно установились товарищеские.

Обсуждался больной вопрос – футбольная команда болталась во второй половине турнирной таблицы.

Председатель закрыл совещание и, глядя в сутулую спину главбуха, сказал:

– Деньги должны быть, хоть воруйте.

И главбух покорно пошел «воровать», то есть срезать последние крохи с других видов спорта. Когда все вышли, председатель пожал Олегу руку и, посмотрев на потолок, сказал:

– Звонили, команду необходимо поднять, – он беззвучно выругался, – была бы моя власть, Олег, я бы их так поднял, забегали бы, как наскипидаренные. Каждый сопляк – прима, слова ему не скажи, он тут же... – председатель вновь посмотрел на потолок. – Или начинает говорить, что у соседей лучше. Ему, видите ли, предложили, обещали... Ну, извини. Рассказывай.

Выслушав Олега, председатель сказал:

– Потому что ты дурак, братец. Зачем раззвонил на весь свет, что выступать больше не будешь? Ты на помосте Олег Перов, а в жизни двадцатисемилетний оболтус с дипломом, – откровенно сказал он. – Может, еще годочек потаскаешь? Как спина?

– Спина чуть повыше... – огрызнулся Олег. – Ты мне обещал, Саша.

– В общем, ты прав, уходя – уходи, – он помолчал. – Я обещал, попробую. Не выйдет, придется, будем думать.

Дома уже ждала Ирина, но Олег домой не поехал, а созвонился с Павлом Ветровым и отправился к нему.

Она познакомились год назад, в спортзале, куда Павел пришел с кинооператором – делал телевизионную передачу. Олег не очень любил разговаривать с журналистами или писателями. Вопросы всегда одни и те же, в глубь спорта не лезут, скользят по поверхности.

Ветров сразу понравился Олегу, так как не пошел через зал, размахивая руками, давая оператору и всем остальным задания, где стоять и что снимать, а сел у стены на скамеечку и тихо просидел всю тренировку. Изредка он что-то шептал оператору, тот согласно кивал и молча снимал. Ветров появился и на следующей тренировке, так же тихо сидел на лавочке и уже на улице, после душа, подошел к Олегу, представился и сказал:

– Ничего, мужская у тебя работенка. Я вашу железку долгое время не понимал. Ну, тащишь ее вверх, она тебя вниз. И все!

– Так оно и есть, – буркнул Олег.

– Не болтай, – оборвал Ветров. – Я когда-то горнолыжником был, у нас трасса, с ней борешься в слаломе минуту, на спуске чуть ли не три. У вас – секунда. Я могу дрогнуть, затем

выправиться и победить. Ты не можешь. Так? У тебя лишь намек на сомнение, лишь искра неуверенности, и железо не простит, ломает.

Павел Ветров понимал в спорте, его передача о тяжелой атлетике была откровением даже для многих штангистов. Он не рассказывал о технике, не восхищался весом снаряда, а копался в людях, в психологии.

Олег и Павел подружились сразу. Обычно, практически всегда, Олег во взаимоотношениях с людьми, будь то мужчина или женщина, сразу захватывал инициативу. Павлу же он подчинился без сопротивления, с радостью. И дело не в том, что Ветров был старше Перова на десять лет, не просто годы, а жизненный опыт, знание жизни решили вопрос старшинства. Они встречались чуть ли не ежедневно, и уже через полгода казалось, что знают друг друга с детства. Их объединяли знания и любовь к спорту, только Павел вышел из спорта в большую жизнь, а у Олега все еще впереди. Но Олег относился к спорту проще и, так сказать, более потребительски. Интересно, много ездешь, видишь, хорошо живешь, тебя знают и любят. Павел смотрел на спорт более идеалистически и философски. Спорт, считал он, закладывает в характер человека фундамент, и самое страшное, когда конец спортивной жизни не становится сигналом к старту дальше, вперед, вверх, а наступает конец активности человека, начало его угасания в воспоминаниях о былом величии.

– Мало, точнее, плохо заботятся о спортсменах, – рассуждал Павел. – Человек в семнадцать, а во многих видах и раньше становится знаменитостью. Печать, радио, телевидение, интервью, поклонники, меценаты. «Надежда», «талант», «представитель страны». А сопливый «представитель» хорошо кувyrкается на брусках, далеко или высоко прыгает или, как ты, больше других поднимает. А перестал прыгать? Как с заоблачных высот опуститься на грешную землю? Крепко встать на ноги, понять, что прошлое лишь прошлое, а настоящее и будущее зависят теперь только от тебя.

– Так ведь и в спорте все зависело лишь от тебя, – возражал Олег. – Спорт в первую очередь труд и пот.

– Верно, – согласился Павел, – но в спорте человек находится в фокусе внимания, с тебя много требуют, но добился, тут же воздается сторицею, даже с излишком. Повседневная жизнь равнодушнее, тебе не рукоплещут, ты один из миллионов, никто тобой не любит. Переход из одного качества в другое, из-под яркого света прожектора к нормальному свету дня, порой дождливого и пасмурного, для многих оказывается настолько болезненным, что люди надламываются.

Олег подтрунивал над серьезностью Павла, над его философией.

– Говори, говори, – обрывал Павел, – поглядим, как ты закончишь выступать и начнешь кувyrкаться на ковре, который называется жизнь. Поглядим, сколько ты тогда поднять сможешь...

Олег только соприкоснулся с жизнью и несколько опешил. Не нужен? Уже не Олег Перов? И, приехав к Павлу Ветрову, Олег ожидал, что тот выслушает и скажет: что, стукнулся? Ведь тебе говорили, ты не верил, теперь хлебай полной ложкой!

Павел, в стареньком, вылинялом тренировочном костюме, в тапочках на босу ногу, открыл дверь, хлопнул Олега по плечу и молча прошел в комнату.

– Молодец, спас меня, – устало сложил бумаги в папку и блаженно потянулся. – Не понимаю, как вообще живут, творят люди, не имеющие спортивной подготовки? Или талантливым легче? – он провел ладонью по коротко стриженным волосам и лицу, словно умылся. – Вряд ли, чемпионам-мастерам труднее, мы-то с тобой знаем. Мы, грешные, напортачим, ну ругнут нас лениво, да и забудут – какой с нас спрос? А маэстро ошибся-то самую чуточку, занесло на повороте, качнуло – крик, шум, конец света! – он сидел, навалившись на стол, выставив подбородок, и внимательно разглядывал Олега. – Человека нельзя лишать права на ошибку, иначе

храбрый превратится в труса, нерешительный в подонка. Пока человек жив, пока барахтается, чего-то хочет, он ошибается.

– Ты мне заранее индульгенцию выдаешь? – рассмеялся Олег.

– Нет, проверяю на тебе тезисы своей статьи, – Павел хлопнул ладонью по папке. – Ты все равно выкладывай, за пазухой не держи.

Олег выложил. Стараясь не размазывать, рассказал о событиях дня.

– Дело не в самолюбии, Павел, – закончил он, – жить-то как? Иришка тридцать восемь и я после вычетов сотню, плюс кооперативная квартира. Ведь ноги протянешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.